

Е.С. ФЕДОТОВА
(г. Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1.1 (Пелевин В.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,43

РОМАН В. ПЕЛЕВИНА «GENERATION “П”»: СЛОВЕСНАЯ ИГРА КАК СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ И ПЕРЕСОЗДАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье на примере анализа ряда фрагментов романа В. Пелевина «Generation “П”» автор рассматривает словесную игру как одно из средств сатирического осмысления действительности. Под «игрой словами» понимается особое отношение художника к слову, предельное внимание к потенциалу разнообразных лексических и синтаксических конструкций и способность писателя их трансформировать, порождая новые смыслы. Выделены приемы: зрительная реализация метафоры, каламбур, актуализация коннотативных значений слов, они позволяют писателю изобразить постперестроечную эпоху.

Ключевые слова: сатира, В. Пелевин, сатирические приемы, «Generation “П”», язык, миромоделирование, мировоззрение художника.

*Миллион долларов нужен, чтобы купить дом в дорогом районе,
дом нужен, чтобы было, где ходить в красных тапочках,
а красные тапочки нужны, чтобы обрести спокойствие и
уверенность в себе, позволяющие заработать миллион долларов,
чтобы купить дом, по которому можно будет ходить в красных
тапочках, обретая при этом спокойствие и уверенность.*
В. Пелевин. Generation “П”

О важности сатирического вектора в творчестве В. Пелевина сказано немало¹. Однако до настоящего времени не вполне определена сатирическая традиция, на которую опирается художник, не дифференцированы иронический модус, аргіогі присущий постмодернист-

¹ О сатирическом векторе в творчестве В. Пелевина см.: Андрианова М.Д. Проблемы эволюции творчества Пелевина URL: http://mir.spbu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=774:rpj-10 (дата обращения: 24.11.2012); Лестева Т.М. Мой Пелевин. За или Против? // Литературная учеба. – 2011. – № 5. – С. 148–177; Сиротин С. «Виктор Пелевин: эволюция в постмодернизме» // Урал. – 2012. – № 3. – С. 206–219; Бачинин В.А. «Если верует, то не верует, что верует. Если же не верует, то не верует, что не верует». Постмодернистское письмо Виктора Пелевина в философско-теологическом контексте URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-esliver/1.html> (дата обращения: 20.11.2012); Жаринова О.В. Рекламные слоганы как иронический модус романа В. Пелевина «Generation “П”» // Юбилейный сборник научных трудов ТГТУ – Тамбов: Издательство ТГТУ, 2004. – Вып. 16. – С. 129–131.

скому тексту, и функции сатирического изображения, не рассмотрена динамика сатирического начала в творчестве писателя. Мы попытаемся показать приемы словесной игры в романе В. Пелевина «Generation “П”», где сатирическое изображение действительности предстает наиболее ярко.

В «Generation “П”» – романе о поколении россиян, сформировавшемся во времена политических и экономических реформ 1990-х годов – автор, пытаясь раскрыть суть перемен, показывает пороки жизнеустройства и очерчивает круг иллюзий, заполнивших человеческое сознание. Критика действительности в романе выступает на первый план, что позволяет говорить о переходе от Пелевина-философа к Пелевину-сатирику.

И.И. Плеханова, анализируя роман В. Пелевина «S.N.U.F.F.» в сопоставлении с «Околоноля» Н. Дубовицкого, отметила: *«Игра словами ... это не игра в слова, а творение смыслов, которые всё-таки участвуют в организации жизни»* [Плеханова 2013: 113]. Данное суждение исследователя является для нас принципиально важным, поскольку определяет суть словесной игры и подчеркивает ее смыслопорождающее значение в творчестве писателя. Если рассматривать «игру словами» как особое отношение художника к слову, предельное внимание к потенциалу разнообразных лексических и синтаксических конструкций и способность писателя их трансформировать, порождая новые смыслы, то такую игру можно назвать ведущим способом сатирического осмысления действительности, реализуемого в тексте с помощью ряда приемов.

Рассмотрим один из них. Автор начинает роман со слов: *«Когда-то в России и правда жило беспечальное юное поколение, которое улыбнулось лету, морю и солнцу – и выбрало “Пепси”»* [Пелевин 1999: 5]². С первых строк задается взгляд, слегка дистанцирующий читателя от событий постперестроечного времени. Рубеж, отделяющий Советский Союз от Российской Федерации, для В. Пелевина не важен, потому что принципиальных различий между реальностью СССР и Россией после 90-х годов он не наблюдает. Поэтому синтаксический строй вышеупомянутого предложения (сложносочиненное со значением одновременности протекания действия, тире в качестве маркера быстрой смены событий) и грамматическое оформление, фиксирующее завершенность действия (глаголы совершенного вида «выбрало», «улыбнулось»), позволяют автору запечатлеть и проанализировать свершившееся изменение как необратимые.

---

² Далее текст цитируется по данному изданию с указанием страниц в скобках.

В результате наблюдений писателя рождается интересный образ: «Этот **мир** был очень странным. **Внешне** он изменился мало – разве что на улицах стало больше нищих, а всё вокруг – дома, деревья, скамейки на улицах – вдруг как-то сразу постарело и опустилось. Сказать, что **мир** стал иным **по своей сущности**, тоже было нельзя, потому что никакой сущности у него теперь не было. Во всем царила страшноватая неопределенность» (выделено нами – Е.Ф.) (11). Характеризуя современный мир³, Пелевин называет его «странным». Несмотря на то, что внешне он почти не изменился, всё в нем подернулось порухой, значит, из него ушла жизнь во всем многообразии ее проявлений. Мертвенность мира проявляет себя чертами «страшиноватой неопределенности». Данное словосочетание несет в себе авторскую оценку действительности. Обратимся к толковому и словообразовательному значению входящих в него слов⁴. «Неопределенность» – слово, образованное от прилагательного «неопределенный» («не вполне отчетливый, неясный») с помощью суффикса -ость- (отвлеченность действия). Прилагательное «страшиноватая» – производное от слова «страшный» («вызывающий страх, пугающий; потрясающий своим трагизмом; причиняющий страдание, мучительный») с помощью суффикса -оват-, значение которого «отчасти имеющий свойства чего-либо», а также «оттенок ослабленного качества». Как видим, время в сознании автора ассоциируется, с одной стороны, с неясностью, возведенной в Абсолют (на такую трактовку указывает грамматическая категория отвлеченности), а с другой – с тревогой, страхом как следствием этой неясности. Человек в условиях, изменившихся в одночасье, растерян, испуган.

Так что же конкретно вызывало тревогу и смущение на уровне авторской оценки явлений действительности? Несоответствие между неуверенной «страшиноватостью» мира и абсолютно уверенными в себе героями времени, заполнившими «тойоты» и «мерседесы»: «по улицам неслись потоки “мерседесов” и “тойот”, в которых сидели абсолютно уверенные в себе и происходящем **крепыши**» (14). Названные марки ав-

---

³ По словарю Ефремовой некоторые значения слова «мир»: Земной шар, Земля со всем существующим на ней. // Действительность, бытие с точки зрения порядка, строя жизни на Земле. // Человеческое общество, объединенное по социальным, культурно-историческим, этнографическим и т.п. признакам. [Ефремова]. Слово «мир» в рассматриваемом фрагменте повторяется дважды и имеет гораздо более широкое значение, чем, например, «общество» и даже «государство», что видно из приведенных выше значений. Качественно иное, более абстрактное понятие избрано автором неслучайно, задает обобщенный ракурс рассмотрения происходивших в стране событий, показывая последствия социально-исторических изменений отдельного государства в общечеловеческом масштабе.

⁴ Значения слов и суффиксов приводятся по словарям: [Ожегов], [Ефремова], [БАС].

томобилей говорят о высоком достатке и статусе. Однако сатирическое осмысление эпохи не исчерпывается внешними атрибутами. Важнее обратить внимание на то, что вместо слова «человек», которое предполагает полноту личностного самоосуществления, у Пелевина – оценочно-саркастичное «*крепьши*». Согласно словарям, речь идет о таком человеке, который «имеет крепкое телосложение», но принадлежность слова к разговорному стилю и помета «обычно о ребенке» подчеркивают инфантильность героев: они остановились в духовном развитии, живут только физически. Они лишены рефлексии, в их мире нет Другого. Отсюда полная уверенность «*в себе и происходящем*», что делает их «хозяевами жизни», наделяет правом действовать, не думая о судьбах других. Такая редукция человека под пером сатирика выглядит почти зловеще.

Показательно уточнение оценок, которые дает В. Пелевин. «*Эти [рекламные] агентства множились неудержимо – как грибы после дождя или, как Татарский написал в одной концепции, гробы после вождя. А вождь наконец-то покидал насиженную Россию. Его статуи увозили за город на военных грузовиках (говорили, что какой-то полковник придумал переплавлять их на цветной металл и много заработал, пока не грохнули), но на смену приходила только серая страшиноватость, в которой душа советского человека быстро догнивала и проваливалась внутрь самой себя. Газеты уверяли, что в этой страшиноватости давно живет весь мир и оттого в нем так много вещей и денег, а понять это мешает только “советская ментальность”*» (29). «*Страшиноватая неопределенность*» вскоре перерастает в «*серую страшиноватость*». Означающее и означаемое меняются местами. Эта незначительная внешне языковая перестановка в плане семантики необычайно важна. Пелевин находит свои, очень точные коннотативные значения слов, что позволяет ему наиболее четко, сатирически-образно охарактеризовать реальность России 90-х годов и представить ее, исходя из значений слова «страшная», как трагичную, мрачную, пугающую. Развитие рыночного бизнеса выступает поводом для рефлексии по поводу исторических изменений и их последствий. Памятники «вождя» (имеется в виду фигура В.И. Ленина) призваны увековечить стремления и идеалы советской эпохи, но их увозят и переплавляют ради обогащения. «*Покидал насиженную Россию*» – ироническое замечание⁵, которое, как нам думается, отсылает к почти 80-летнему существованию

---

⁵ Говорить об иронии позволяет намеренно смешение разных регистров, то есть употребление разговорного слова «насиженный» (значение «насиженное место» – место, к которому привыкли, занимая его в течение долгого времени) в связи с упоминанием исторического лица.

социалистического государства. На смену странному миру, неясному для живущих в нем людей, пугающему своей пустотой, приходит серо-грязноватое время. Недаром *«в мире так много вещей и денег»*, призванных заполнить эту пустоту предметами материального мира, то есть «прикрыть» внешней оболочкой образовавшуюся неприглядность.

В приведенном фрагменте заслуживает внимания еще один прием, позволяющий сатирику осмыслить действительность: каламбур *«гробы после вождя»*, созданный на основе фразеологизма *«грибы после дождя»*. Его значение «появляться быстро, в большом количестве» иллюстрирует молниеносное рождение и распространение рекламных агентств, основная задача которых не только представить товар в лучшем свете и максимально выгодно его продать, но и создать идеальный образ счастливой жизни, превратить человека в потребителя. Гроб, вероятно, стоит рассматривать не только как «специальный ящик, в котором хоронят умершего», но и как символ перемен, означающий «конец» всего, что связано с историей, ведь гроб – своеобразный рубеж, отделяющий жизнь от смерти, проводник между реальным и потусторонним. Характерно, что эти агентства, как и гробы, «множились», заполняя окружающее их пространство. Проблема памяти проявляет мысль сатирика об утрате миром своей сущности. «Жонглирование» сакральными темами и атрибутами (покойник, гроб, смерть, сниженная до разговорного *«грохнули»*) знаменует отказ поколения от своей истории, утрату связи с прошлым.

Жуткая метафора дополняет образ мира-симулякра: *«душа советского человека быстро догнивала и проваливалась внутрь самой себя»*. Процесс загнивания предстает перед читателями предельно натуралистично: душа *«проваливается»*, как рухнет ветхий заброшенный дом. Зрительная реализация метафоры⁶ дополняет авторскую характеристику

---

⁶ На основе анализа множества стихотворений и поэм В. Маяковского В.Н. Альфонсову удалось выявить такое средство поэтической образности, как зрительная реализация метафоры. Он отмечает, что прием открыт не Маяковским и встречается в XIX веке, но именно Маяковский *«превратил «зрительную» метафору в поэтическую норму»*. Ведущий поэтический принцип, по мнению исследователя, – *«создавать обобщенный образ современности в обход индивидуального сюжета, непосредственно скрепя зримостью деталей и картин, формирующую мысль и ораторский пафос»*. Принципиальным замечанием представляется следующее: *«Зрительный образ в стихах Маяковского часто необычен. Поэт не боится деформировать или нарочито упростить его. Говоря: «Не разорваться же мне», мы вряд ли представляем реальное физическое действие. А Маяковский издевается: почему бы и не разорваться? – «До пояса здесь, а остальное там» («Прозаседавшиеся»)»*. Цит. по книге: [Альфонсов 1984; 56–57]. Думается, что характеристика приема, рассмотренного ученым, сопоставима с необычайной образностью зрительного представления метафоры в творчестве В. Пелевина.

ку эпохи, рисуя апокалиптическую картину, где нет места человеку, души представлены «прогнанными» и замкнутыми на невозможности возрождения (после падения «внутри самой себя» оно исключено). Перед нами грустно-саркастичная оценка явлений перестроечного времени.

Время, изображенное в романе «*Generation “П”*», названо Виктором Пелевиным «*эпохой первоначального накопления*». Как научный термин⁷ приведенное понятие подразумевает одно, но в конце XX века вновь становится востребованным и, расширив значение, входит в роман, сатирически характеризует эпоху, проявляя основную тенденцию: обогащение одних за счет других, повальное стремление достичь материального благополучия любыми путями. «*Насколько Татарский мог судить, никакого сражения между товарами за ниши в развороченных отечественных мозгах не происходило; ситуация больше напоминала дымящийся пейзаж после атомного взрыва. <...> Покурив однажды очень хорошей травы, он случайно открыл основной экономический закон постсоциалистической формации: первоначальное накопление капитала является в ней также и окончательным*» (26). Образ человеческого сознания людей постсоветской эпохи строится на приеме зрительной реализации метафоры: натуралистический образ «*развороченных мозгов*» (то есть поврежденных, ущербных, трудно восстанавливаемых) на фоне пейзажа «*после атомного взрыва*» позволяет Пелевину точно охарактеризовать ситуацию в России 90-х годов, напрямую указывая на страшнейшие последствия случившихся перемен. Атомный взрыв ассоциируется с гибелью всего здорового (применительно к сознанию – логичного), впечатляя читателя масштабом катастрофы, а на этом фоне всё увереннее происходит захват сознания рекламой. Во фразе «*первоначальное накопление <...> является окончательным*» проблема памяти, рассмотренная выше, дополнена моти-

---

⁷ «Первоначальное накопление» означает «*процесс превращения основной массы мелких товаропроизводителей (главным образом, крестьян) в наемных рабочих путем отделения их от средств производства и превращения последних в капитал*», введено в трудах А. Смита, продолжено в работах К. Маркса; процесс накопления капитала происходил в Западной Европе в 15–18 века, в России – в 17–19 века [БСЭ: электронный ресурс]. Характеристика эпохи перестройки названным термином настолько устойчива в сознании писателя, что встречается и в ряде других его произведений, например, в романе «*Ананасная вода для прекрасной дамы*» (2010), в главе «*Созерцатель тени: «Когда эпоха первоначального накопления вступила в фазу нестабильного загнивания, а Олег завязал с веществами и овладел матчастью, он стал отвечать, что от сотворения мира сохраняет абсолютную неподвижность...»*».[Пелевин 2011; 246]. В данном случае автор прослеживает историю России, характеризуя ее путь и экономическое развитие как нечто «загнивающее».

вом отсутствия будущего (на него указывают использование в пределах одного предложения антонимичных корней «первоначальное / окончательным» и глагола совершенного вида, обозначающего завершенность действия).

Что же заполняет образовавшуюся пустоту, камуфлирует поруху? Парадигма рекламодателей и создание рекламы в романе проявляют основу мироустройства, в центре которого оказываются деньги, о чем свидетельствует их многочисленное упоминание и игровой процесс заработка. Венчает денежную проблематику показательная метафора-откровение: «*во всей вселенной пахнет нефтью*» (278). Приведенная фраза – авторский вариант устойчивого словосочетания «*деньги правят миром*», но в гораздо более широком значении. Нефть ассоциируется с несметным богатством, является одним из важнейших для человечества полезных ископаемых, занимает ведущее место в мировом топливно-энергетическом хозяйстве, фактически она символизирует и деньги, и власть. Поражают масштабы обобщения: не конкретное общество, а все человечество («*вселенная*») поглощено заботой о материальных ценностях.

Жизнь человека сводится к стремлению обрести счастье, транслируемое каналами СМИ, и замыкается в кольцо потребительства. «*Любой имидж имеет четкое денежное выражение. Если даже он подчеркнута некоммерческий, то сразу возникает вопрос, насколько коммерчески ценен такой тип некоммерциализованности. Отсюда и знакомое любому чувство, что всё упирается в деньги*» (60). Сочетание двух противоположных по значению слов «коммерческий» и «некоммерциализованный» в максимально близком контексте, а также лексический повтор («*деньги*», «*денежный*») не только вводит тему материальных ценностей, но и говорит о примате материального над духовным. Конструкция предложения и расширение субъектно-объектных отношений местоимениями «*любой*», «*всё*» укрупняет масштаб авторского мировидения, показывая тотальную коммерциализацию, охватившую общество.

Наблюдения над текстом Пелевина показали, что словесная игра в «Generation „П“» создается рядом приемов: зрительной реализацией метафоры, каламбуром, актуализацией коннотативных значений слов, которые действительно участвуют в «организации жизни» (определение И. И. Плехановой), то есть становятся способом осмысления действительности. Художник рисует образ мира, утратившего жизнеобеспечивающую почву и нравственные ценности, что привело к редукции человека до «крепыша», а образовавшуюся пустоту заполнили «вещи и деньги».

ЛИТЕРАТУРА

Альфонов В.Н. Нам слово нужно для жизни. В поэтическом мире Маяковского. Ленинград: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1984. – 245 с.

Большая советская энциклопедия. URL: <http://soviet-encyclopedia.ru/?ll=218231> (дата обращения: 14.09.2013).

Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. URL: <http://efremova.slovaronline.com> (дата обращения: 13.09.2013).

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.org> (дата обращения: 15.09.2013).

Пелевин В.О. «Generation “П”». – М.: Вагриус, 2001. – 336с.

Пелевин В.О. Ананасная вода для прекрасной дамы. – М.: Эксмо, 2011. – 350 с.

Плеханова И.И. Пелевин vs Сурков // Филологический класс. – 2013. – № 33. – С. 106–115.

© Федотова Е.С., 2013